

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГАЛА ГАРДА
РАБОТА АНГЕЛА

18+

Гала Гарда
Работа Ангела

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гарда Г.

Работа Ангела / Г. Гарда — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Переплетение судеб. Что общего может быть у московской скромной девушки, светской львицы из провинции и австрийским миллиардером, чья история начинается в далёком 1941 году? Может ли главная героиня понять, где она хозяйка своей жизни или вся ее судьбы - искусная манипуляция ?Содержит нецензурную брань.

2003 год

На Садовом кольце пришло время привычного коллапса. Я тоскливо рассматривала соседей по несчастью. У большинства водителей и их пассажиров, томящихся в пробке, на лицах застыло одинаковое выражение – равнодушная обречённость. Уже никто не нервничал попусту, не стучал по рулю кулаком. В общей своей массе москвичи настолько сроднились с происходящим, что выработалась определенная культура поведения, которая имела в своей сути отчаяние, смешанное со смирением.

Я лениво слушала Веркин трёп.

– Ну вот, я и говорю ему: «Это же лучшее место для моей галереи! Да, не центр, ну зато там площадка для вертолётов есть! В центр на вертушке не всем позволено, а здесь – пожалуйста! А места сколько! А как стильно! Фабрика – просто прелесть! Бетон! Стекло! Там такое сделаешь! УУУ!» – плотоядно облизнула Ника, она же Вера, пухлые губы.

Я посмотрела на неё и проявила вежливую заинтересованность:

– Вер, а что ты ещё сделаешь, кроме галереи? Я уверена, что ты обязательно придумаешь что-то особенное. Ведь сейчас все, кому не лень, свои картинные и фотовыставки делают. Знаток искусства у нас как собак нерезанных...

– Кооонечно! – жеманно протянула Вера. – Я всё уже продумала, – и, бросив на меня быстрый и раздраженный взгляд, прошипела: – Сколько раз просила – не называй меня Верой! Я – Ника! Ника Нарышкина!

Я вздрогнула от контраста: за столько лет никак я не могла привыкнуть к Вериним переходам от тона капризной, растягивающей гласные и «акающей» жеманной московской девицы к стальному, обрывистому, с региональной твердостью согласных её родному голосу.

– У меня эксклюзив. Эротические картины великих современников с налетом легкого порно. Я же эксперт в развлечениях для взрослых, – подмигнула Ника. – Кто ещё лучше меня знает, что хотят люди с большими деньгами и голодные девочки-мальчики. Порок объединяет. Да и в будущее надо трезво смотреть. Сейчас эти мартышки, что с пилона слезли, жён старых подвинули, детей срочно плодят, маленьких ублюдков, парашют их. А потом что?

– Что? – вежливо поддержала я монолог подруги.

– Потом, дорогая, лучше бы учила Маркса: бляди всех мастей, объединяйтесь! Потом надо укреплять пороки. Закрытые клубы. Люди – стадо. Надо держаться своих. Посмотри: один берег для летнего отдыха, одни склоны для лыж. Страшно выйти из тусовки. Закрытый БДСМ-клуб – место силы.

Я, давно зная свою подругу как девушку, не обремененную моральными принципами, догадывалась, что в проекте Ники заключена не только эстетическая концепция. Ника в светской тусовке – человек опытный. Я и не сомневалась, что под вывеской художественной галереи и эротического шоу может скрываться банальный публичный дом. Стоп, конечно, не банальный. У Ники, обладающей безупречным вкусом и абсолютным нюхом на всё самое остромодное и нужное, возник проект совершенно «особенного заведения».

– А потом!!! – воскликнула Ника, словно ей только что пришла идея. – Потом я сделаю интеллектуальный закрытый клуб!

Я подскочила на сиденье:

– Как?! Как клуб для извращенцев может перерасти в закрытый клуб интеллектуалов, Ника?!

– Мышка, – улыбнулась самодовольно Ника, – очень просто, Ватсон. Предсказываю: мартышки попками покрутили – папиков заманили, с шестов слезли, обезьянок родили. Что дальше?

– Ник, прости, а почему обезьянок?

– А кого можно родить от крокодилов? – удивилась Ника.

– Логично, – пожалала я плечами. Веркин цинизм меня уже не удивлял.

– Так вот... – задумчиво продолжала Ника. – Мамочки своих деток в Англии-Швейцарии отсылают, как все. А сами начинают наверстывать упущенное.

– Что же, ты считаешь, они упустили?

– Как что? – удивлённо оглянулась на меня Ника, – образование. Надо же тянуться за элитой. Той самой, что выросла в домах на Тверской и с дипломами МГИМО. Так лет через пятнадцать все забудут, что мартышки были мартышками. Они же хорошо обучаются. С дипломами вечерних курсов или даже лондонских платных школ. Здесь и начнут открываться интеллектуальные клубы. А для деток своих подросших – балы организовывать!

– Господи, Ника! Ну у тебя и фантазия! Ты скажи, что они лет через двадцать начнут графинями и князьями называть друг друга?!

– Начнут. Начнут, – улыбнулась Ника, – я уверена. Я просто знаю, как будет. Обожаю предвидеть, рассчитывать и ждать... Так интересно жить на этом свете, когда знаешь человеческие пороки и играешь ими, как марионетками! – засмеялась она. – Играй в Го, дорогуша! Твой свекор меня научил, полезная вещь, знаешь ли.

Волна брезгливого осуждения предательски прошла по позвоночнику, и я, в который уже раз, ругала себя за то, что согласилась ехать смотреть заброшенную фабрику, которая с лёгкой руки моей подруги и поддержки ее старых влиятельных друзей грозилась стать самым модным и вожделенным местом «лучших представителей современной России», как с иронией называла своё окружение Ника Нарышкина, урождённая Верка Сушкина.

– Всё! Больше не могу! – закатила глаза Ника. – Ведь хотела скромненько, ближе к народу, наконец. Но не могу... Время жалко. Всё, простите, люди добрые, но я воспользуюсь властью, данной мне папочкой и попочкой, – подмигнула она мне и полезла рукой за сиденье.

Ника достала синюю милицейскую мигалку, открыла окно своей огромной машины, прилепила на крышу «ведёрко». Из соседней «Рено» на Нику удивленно смотрел уставший водитель. Ника заметила его взгляд, пошире открыла окно машины, томно прищурилась, приоткрыв рот и медленно облизнула пухлые губы слишком розовым языком. Смерила изумленного дядьку равнодушным взглядом, закрыла тонированное стекло машины и включила сирену.

– Ну, всё! Держись, Маринка! Сейчас за минуту доедем! Ты там своему псу позвони, чтоб не отставал!

Я тяжело вздохнула, вжалась в сиденье и прикрыла лицо ладонью.

Ника насмешливо посмотрела на меня, уверенно разгоняя в стороны машины.

– Фи, какие мы совестливые чистоплюйки! Тебе, Мариночка, хорошо живется за спинами мужа-богатея и свёкра ФСБшника! А мы, девушки фабричные, сами себе своими руками, ну и прочими частями тела, путь к светлому будущему разгребаем! – рассмеялась Ника, красиво запорокинув голову с длинными волосами, отливающих золотом.

– Ладно, Маринка! Не горюй! Приехали уже! – минут через десять сказала Ника, на огромной скорости въезжая на территорию фабрики.

Мой водитель, он же охранник, без которого муж не разрешал мне выезжать, появился через несколько минут, поспешно выскочил из машины и встал за моей спиной.

Ника презрительно взглянула на него:

– Здесь стой, а мы пройдемся.

Денис замялся:

– Так, это, типа, не положено...

– Молчи, одноклеточный, сама знаю, что положено! Стой, говорю! Она со мной.

Парень покраснел и послушно остался ждать меня у машины.

Ника широко и уверенно вышагивая в туфлях на огромных шпильках и с алой подошвой по территории опустевшего производства, размахивала руками и с восторгом рисовала картины своего детища.

– Маринка! Ты только посмотри! Какой размах! Какая красотень!

Я вдруг засмеялась.

– Ты чего ржёшь? – грубо, не соответствуя своему образу светской богатой девушки, рявкнула Ника.

– Прости, Верунчик, ой, Ник, – улыбнулась я. – Я тебя представила такой вот крутой коммунисткой – директрисой завода. Идёшь в кирзовых сапогах, кожанке, на голове – косынка красная, руками машешь, о досрочном выполнении пятилетнего плана мечтаешь. Может, ты в прошлой жизни и вправду директором этого завода была?

Ника удивленно посмотрела на подругу.

– А это идея, молодец, Мышка! Я на открытие галереи так и оденусь, как директор фабрики! Волосы уложу в пучок а-ля Фурцева, прямая юбка ниже колена, туфли на маленьком толстом каблуке, пиджак, сиськи повыше, на веки – голубые тени, – Ника остановилась, посмотрела поверх моей головы и задумчиво продолжила: – Так, на грани, очень тонко и секси... ещё чуть-чуть – и клоунесса получилась бы, а я могу сделать образ неотразимым. А! Ещё папку в руках, красную, и грамоты соцтруда вручать на входе буду! – засмеялась она и уверенно рванула вперёд, ловко перепрыгивая через мутные лужи.

Ника ещё долго водила меня по грязным опустевшим помещениям, в подробностях рассказывая о своём проекте. Я только диву давалась, как будущая хозяйка этих бетонных стен бодро бегают на своих лабутенах, я же с трудом успевала за ней в мокалинах из нежной телячьей кожи.

– Ник, мне ехать надо, – посмотрела я на часы. – Няня Славика к врачу записалась.

Я устало посмотрела на совершенно бодрую подругу.

Ника резко остановилась, смерила меня скептическим взглядом:

– Позвони ей, пусть задержится.

– Нет, Никусик, – умоляла я, – не могу, она за неделю предупредила. И я Славику обещала вечером с ним быть, он ждёт.

– Хорошо, – нехотя согласилась Ника. Она была крёстной матерью Славика и очень его любила. Я иногда думала, что мой сын – единственный человек, которого Ника искренне любит, не используя его в своих интересах, как поступает со всеми на своем пути.

– Ладно, зануда, сейчас поедешь, – Ника посмотрела на меня долгим и глубоким взглядом, словно о чём-то размышляя, махнула рукой, резко развернулась на каблуках и широким, уверенным шагом двинулась к своей машине. Не говоря ни слова, нажала кнопку зажигания и уже готова была тронуться, не попрощавшись. Видно было, что она испытывает огромное раздражение, словно её прервали на важном моменте.

– Ник, ты умница! Я очень рада за тебя! – крикнула я. И вдруг испытала вину за то, что Ника уезжает в раздражении. Но ещё большую досаду – от самой себя. Опять повелась на манипуляции старой подруги.

– Да, я – молодец, – вдруг промурлыкала Ника. – Теперь в глянце под моими фото не будет стоять эта пошлая надпись «Светская львица». Я теперь галерист Ника Нарышкина!

Я в изнеможении упала на заднее сиденье своей машины. Денис сочувственно посмотрел на меня. Он давно заметил, что после общения с яркой, шумной, ослепительной Никой я становилась измученной и опустошенной. При всей своей недалекости парень не переставал удивляться, что может связывать нас – двух абсолютно непохожих друг на друга людей.

Ника Нарышкина была личностью очень известной и, как многие догадывались, влиятельной, благодаря своим связям. Ни одно яркое и престижное светское мероприятие не проходило без ее присутствия. Все модные журналы помещали её фото с неизменной подписью «Светская львица Ника Нарышкина». На самом деле, кто она и откуда выплыла, никто не знал. Видели её интервью в различных журналах, видели фото её квартиры в историческом центре

Москвы и дома в Сочи, но в интервью Ника не рассказывала о своём прошлом, умело уходя от скольких тем.

Впервые я увидела Нику в начале 90-х. Тогда она была ещё Верой Сушкиной.

Мы обе учились на искусствоведческом факультете. Я – из любви в прекрасному, а Верка приехала покорять столицу из уральского рабочего городка. Хотела поступать в театральный, но провалилась на первом же уровне и оказалась на одном потоке со мной в Институте культуры.

Поначалу мы не общались. Абсолютно ничего не было у нас общего, ни во внешности, ни в характере. Я оставалась худой и плоской, словно подросток, предпочитала короткую стрижку, удобную одежду – джинсы, папины рубашки и свитера, в которые кутала моё одиночество и тоску по нему. Вера же – крепкая, как скаковая лошадь, с высокой грудью и крепким задом. Её предпочтения были отданы высоким каблукам в любое время суток и при любой ситуации, короткой юбке и низкому декольте. Этому стилю она не изменяла никогда, менялась только стоимость вещей, которая с каждым годом росла в геометрической прогрессии. Рядом с Верой я чувствовала себя маленькой серой мышкой, особенно когда с нами знакомились парни. Вера буквально парализовала волю мужчин своими ловушками: взглядом с поволокой, «случайным» облизыванием якобы пересохших губ, тихим голосом с хрипотцой. Ребята погибали.

Наблюдая за Верой я всегда поражалась тому, как по отдельности некрасивые черты лица Веры—глубоко посаженные хитрые глаза, нос- уточкой, большой, просто огромный рот на маленькой, по сравнению с телом, голове—вместе притягивали взгляд и поместили Веру в ряд « роковых женщин» . Правда, однажды новая подруга, взяв мою руку в свою, по-крестьянски большую и крепкую, подвела к зеркалу. Рассматривая наши отражения , задумчиво произнесла:

– Ты думаешь, я не понимаю, что красивая – это ты? Тебе Господь дал просто идеальную внешность: личико формы бриллианта, острый подбородочек, точеный носик, маленькие ушки, огро-омные глаза грустного оленёнка. Посмотри на свои ручки: нежные и тоненькие пальчики, как у феечки. Тебе и напрягаться не надо. Аж скучно. А я рано поняла, что всё в этой жизни надо делать самой. Вот и научилась быть неотразимой при заданных условиях. Я умная и наблюдательная. Знаю, как спрятать недостатки и как показать достоинства. На тебя, мышка-красавица, при всей твоей идеальной, но какой-то очень тихой красоте, так и никто и не посмотрит, если себя с выгодной стороны не покажешь.

Я возвращалась домой, собрав все мыслимые и немыслимые пробки. Жутко болела голова. Приняв таблетку, закрыла глаза и стала ждать, когда же пройдет головная боль. Боль вскоре отпустила, но на её место пришли раздражение и чувство вины. Я понимала, что опаздываю, а Славик будет ждать. Я достала телефон и позвонила свекрови:

– Дарья Михайловна, голубушка, здравствуйте! – устало проговорила я. – Простите, ради бога, выручите меня, няню надо отпустить, а Славика отвести на занятия. Да, я в пробке. Ездил Никин проект смотреть, застряла. Да, спасибо, дорогая.

Дарья Михайловна очень любила внука и старалась использовать любой повод, чтобы быть полезной ему. Тем более что она имела много свободного времени и личного водителя. Всё благополучно разрешив, я поняла, что чувство вины перед сыном не прошло, а, наоборот, усилилось. К нему, этому мерзкому состоянию, прибавилось раздражение и... зависть! Да! Зависть. Я с удивлением обнаружила, что впервые завидую старой подруге.

«Господи, что со мной? Я завидую Вере?» – воскликнула я про себя. И, к моему стыду, сама же ответила: «Да, это зависть, острая, мерзкая зависть».

Я, тяжело вздохнув, отвернулась к окну и мысленно перенеслась на несколько лет назад, в нашу общую с Верой институтскую жизнь.

Третий курс. В аудиторию входит высокая самоуверенная красавица. Все замерли. Даже преподаватель вместо обычного: «Закройте дверь, барышня, с другой стороны! На моих лекциях нет места разгильдяям!» неожиданно смутился и пролепетал: «Эээ, да, присаживайтесь, эээ, юная леди... да, ммм, на чём я остановился?»

На большом перерыве девушка уже была окружена толпой ребят, которые наперебой предлагали ей помощь. Вера Сушкина звонко смеялась, обнажив ровный ряд белых зубов. И от неё исходила такая магия, что я не могла отвести взгляда от новой однокурсницы.

Вера ловко уходила от ответа, откуда она перевелась и где училась до сих пор. Было видно, что она немного старше, опытнее.

Потом оказалось, что Веру ничего не волнует и не трогает. Она не перетруждала себя учебной и нечасто ходила на лекции, но, тем не менее, в её зачетной книжке всегда стояли отметки о вовремя сданных зачетах и экзаменах. При каждом редком появлении на лекции она поражала воображение юношей, заставляя их краснеть, и вызывала зависть у девушек стоимостью нарядов. На курсе шептались, что она дочка какого-то олигарха или любовница, но никто никогда не знал правды.

А свело нас, двух абсолютно разных во всём девушек, мое хобби. Так я тогда думала ...

Я жила в хорошей трехкомнатной квартире в сталинском доме на Таганке.

Мама моя после смерти отца большей частью пряталась на даче в Малаховке. Иногда по выходным я ездила к ней на электричке, а в остальные дни была увлечена учебной и своим хобби, которое ненадолго купировало боль. Я страстно любила искусство и всё свободное время проводила в музеях и архивах, ездила по маленьким краеведческим музеям и старинным монастырям. А главным увлечением моим было кружевное старинное полотно. Я рассматривала старые портреты, изучала архивы, мечтала изобрести совершенный станок, чтобы когда-нибудь связать кружево, непохожее ни на что, ранее существовавшее. Длинными московскими вечерами я плела кружево на самодельном станке. Однажды я осмелилась поменять джинсы и папин свитер и прийти в институт в платье из тонкого кружевного полотна моего любимого дымчатого цвета. Девочки-однокурсницы ничего не сказали мне, это же не Версаче, или Эрмес, или Прада, так, «бабушкина» вещь. А Вера только быстрый взгляд кинула, всё разглядела и тут же ко мне подплыла:

– Миленькое платье, – промурлыкала однокурсница, ощупывая кружево и заглядывая в изнанку.

– Где взяла? В Италии? На Бурано? – допытывалась она. – Нет, больше на бельгийские похоже...

Я удивленно наблюдала за Верой, напоминавшей в этот момент охотничью борзую, почувшую след.

– Нет, не бельгийские... Это что-то на заказ... А цвет какой... глубокий.

Тут Вера очнулась и вновь напустила на себя равнодушный взгляд.

– Хорошая вещь, хвалю. Колись, где взяла.

– Я сама его связала, – тихо прошептала я.

Вера как-то совсем по-деревенски воскликнула:

– Даа лаадно... гонишь, – и, словно очнувшись, поправила себя:

– Я в полном восхищении! Это очень изящно и тонко!

С этого момента Вера стала приглядываться ко мне, приглашать попить кофе, интересоваться моей замкнутой жизнью. Я поначалу была шокирована таким вниманием, но у Веры был безусловный талант общения. Она умела убедить любого человека в его важности, значимости и необыкновенности. Постепенно я и сама рассказала о своём увлечении, потом и показала рисунки, образцы вязки кружева, первый станок и краски необыкновенных, на мой тогдашний взгляд, оттенков. Вера очень интересовалась моим хобби, но никогда не просила связать для

неё что-нибудь. И когда я сама, смущаясь, предложила моей новой подруге связать кофточку, в глазах у Верки промелькнуло самодовольное торжество, но она быстро среагировала:

– Ну, не знаю... Это очень мило с твоей стороны, но это несколько... эээ... не мой стиль...

Я расстроено вздохнула:

– Да, знаю, прости, что навязываю, это же не те известные итальянские марки, которые ты предпочитаешь...

– Дурочка! – почти искренне возмутилась Вера. – Это очень красиво! Я с радостью надену твою вещь!

Я трудилась несколько месяцев, а когда закончила, позвала на примерку Веру. Я удивилась, когда та пришла ко мне домой с пакетом, в котором лежала юбка и жемчужное ожерелье.

Когда она переделалась и вышла, я ахнула. Случайно или нет, но блузка цвета шампанского, которую я вязала долгими ночами, необыкновенно сочеталась с шелковой кремовой юбкой и ниткой жемчуга такого же оттенка.

– Нравится?! – спросила Верка, и в её голосе слышалось больше утверждение, чем вопрос. – Да, стиль – это в крови. Какая же я тонкая штучка! – приговаривала Вера, крутясь перед зеркалом. Я всё ещё продолжала сидеть в полном восхищении и не заметила даже, что на самом деле подруга ни разу не сказала мне ни одного слова благодарности, не отметила тонкость работы. Она просто нахваливала свой вкус, сочетание оттенков, материалов и подобранных аксессуаров. Ей даже в голову не пришло предложить мне деньги за кропотливый труд. Через несколько минут, так и оставаясь в моей блузке, она выпорхнула из квартиры, быстро чмокнув меня на прощанье.

Правда, на следующий день Вера пригласила меня на чашечку кофе и подарила красивую и очень дорогую ручку. Непонятно, зачем нужен был мне «Паркер», но тогда я была тронута...

Вспоминая это сейчас, сидя в машине, я ухмыльнулась про себя: «Сперла у какого-нибудь из своих любовников. За ней не залежится».

Воспоминания отвлекали от нудной дороги.

После случая с блузкой Вера стала чаще заходить ко мне домой, несколько раз оставалась ночевать. Про себя она рассказывала мало, всё больше расспрашивала меня про семью, погибшего отца, про мать-затворницу. Особенно интересовалась происхождением такой хорошей квартиры и дачи.

Я рассказала, что папа был летчиком-испытателем, он старше мамы на 15 лет, и я у них поздний ребенок. Это всё, чем я могла поделиться с посторонними людьми. Как я могла рассказать им, что папа был мне не просто близким человеком, он был частью меня, или я была частью его? Не знаю. Я до сих пор могу расплакаться, вспоминая его. Наверное, в мире не было людей ближе нас. Он чаще был на испытаниях самолётов и учениях, чем дома. И поэтому я помню каждый день, проведённый с ним. Поговорить с Дедом Морозом было для меня не так важно в детстве, как провести день с папой. Он был лучшим другом, наставником, учителем. Каждый миг, проведённый с ним, наполнял меня. Мне казалось, что я всемогущая волшебница, столько силы и знаний папа мне дал. У нас не было конфликтов, что случаются у подростков с родителями. С мамой – да, я повоевала. За короткие волосы, косметику, современную и дикую, на её взгляд, музыку, за пирсинг. Но с папой я не помню ни одного эпизода. Он мог улыбнуться, когда я выходила из своей комнаты с боевым раскрасом или адским начёсом. И в глазах его были и любовь, и удивление, и добрый смех. Не задевая моих чувств, одним только взглядом, он убеждал меня, что это не моё. Когда он погиб, мой мир рухнул. Я не могла найти утешения и у мамы. Она замкнулась в своём горе, а выйдя на пенсию, переехала на дачу. Мы не могли с ней говорить об отце. Мы вообще не могли с ней говорить. От глупых и отчаянных поступков меня остановили воспоминания об отце. Как человек военный, он и мне привил трезвое и рациональное мышление и умение держать свои чувства под контролем. Я редко плакала, я стыдилась своих слёз. Моё увлечение искусством и потом кружевами спасло

меня. Но я замкнулась, полностью ушла в свой мир. И только Вере удалось растормошить меня. «Мышка стала показывать носик из норки», – шутила она надо мной.

Я даже и не заметила того момента, с которого подруга практически переехала ко мне в квартиру. Сначала это были случайные ночевки-девичники, потом звонки: «Привет, подруга, не спишь? Я тут в театре поблизости, могу заскочить».

Я, как старая затворница, которая вечерами любила сидеть над своими кружевами и ломать голову над усовершенствованием станка, не очень радовалась неожиданному наскоку подруги, но та и не нуждалась в общении: заваливалась спать в свободной спальне матери. В какой-то момент Вера чаще стала ночевать у меня, чем не бывало. У меня самой же язык не поворачивался попросить подругу приходить реже. Отдавая Вере должное, она старалась быть полезной и благодарной за приют: выхватывала из моих рук бланки с коммунальными платежами и оплачивала их, покупала продукты, заменила старую стиральную машину, завела красивое постельное бельё не только для себя, но купила мне пару наборов и пышное немецкое одеяло.

По выходным я все чаще старалась уезжать к маме на дачу, а когда возвращалась, то стала замечать следы присутствия мужчины в доме.

– У тебя был гость? – не выдержала и спросила я Веру.

– Да, – нисколько не смущаясь, ответила она. – Ты не волнуйся, это мой старый друг, реально СТАРЫЙ, – подчеркнула она с усмешкой, – очень серьёзный и влиятельный.

– Хорошо, Вера, но мне неприятно, что в моём доме происходят твои встречи. Прошу тебя, не делай так больше, – выговорила я, но в глубине души я понимала, что Вере совершенно наплевать на мою просьбу. После этого разговора я старалась заранее звонить и предупреждать Веру, прежде чем вернуться домой, чтобы не попасть в глупую ситуацию и дать возможность подруге замести следы любовного свидания.

Однажды Вера пришла поздно, когда я уже спала. Она открыла дверь своим ключом и тихонько постучалась в мою комнату.

– Мышка, – Вера упорно называла меня этой кличкой за мою любовь к серому цвету, затворничеству и, как я подозреваю, миниатюрную фигурку, – Мышка, ты спишь?

– Уже нет, – простонала я, – ты что так поздно?

– Мышкин, хи-хи, Нарушкин, я замуж выхожу...

– Да ладно, – подскочила я на кровати. – Поздравляю! А кто он? Почему не познакомила? – я забыла про сон и закидывала вопросами подругу. И только теперь я заметила, что Вера пьяна.

Вера медленно сползла вдоль стены и засмеялась сквозь слёзы.

– Кто он? – пьяно засмеялась она, – шас описеешь от смеха, его фамилия Нарушкин! Ты – Мышка! А я – Нарушкина! Слушай, у тебя выпить есть? Тошно как-то, – простонала Вера, с трудом поднялась и, шатаясь, держась за стену, пошла на кухню. Открыла холодильник, нашла початую бутылку водки, неизвестно сколько времени стоявшую в холодильнике, налила большой стакан и залпом выпила. Я стояла на холодной кухне в тонкой ночной рубашке, и моему удивлению не было предела. Я никогда не видела Нику пьяной. Та даже шампанское не пила. Просто брала в руки бокал, если ей предлагали на вечеринке, так и ходила с ним весь вечер, ни разу не прикоснувшись губами к его краю.

– Чё смотришь? – обернулась на меня пьяная и очень некрасивая в этот момент Вера. Не нравлюсь? – она икнула, взяла сигарету, зажгла её со второй попытки, не переставая икать, потом снова налила рюмку водки, перестала икать и посмотрела на меня неожиданно трезвым и внимательным взглядом. Но когда она начала говорить, стало ясно, что она абсолютно пьяна.

– Ты же не знаешь про меня ничего? Нет, не знаешь... И никто не знает...

Вера глубоко затянулась и начала грустный рассказ по свою жизнь.

– Родилась я в небольшом пыльном городке. И весь этот город когда-то пахал на единственную фабрику в городе. Мамашка моя замуж вышла рано, по залёту. Папашка, как среднестатистический русский мужик, пил безбожно. А мать, как все русские бабы, терпела и даже рискнула родить через пять лет замужества еще одного ребенка, надеясь, что это папашку остановит. Но тут грянула перестройка, фабрика перестала существовать, и город остался без работы. Папашка, конечно же, нашел единственный способ решения проблемы – больше запить. Мать в отчаянии тоже стала прикладываться к бутылке, и когда её супруга переехала электричка, для приличия запричитала, но в душе испытала облегчение.

Надо было как-то выживать с двумя маленькими детьми. Она работала на рынке, и тогда нашим папой на время становился дядя Азик, потом мыла полы в кооперативе, и вечерами у нас гостил дядя Вася, и так далее. Сколько их было, не помню. Но хорошо помню, как мать готовилась к встрече очередного ухажёра: накрывает стол, ставит бутылку водки, знакомит нас с дядькой и отправляет спать. После каждого короткого романа она с одержимостью бралась за новый, но дядьки всё чаще сменяли друг друга, а мать всё больше и больше пила.

Но тут появился Фёдор Игнатъевич.

Вера снова налила себе водки, закурила сигарету и взглянула на меня. Я вздрогнула, увидев, сколько ненависти было в её глазах.

– Этот был другой. Не пил, не курил... Сам такой с виду худенький, маленький, лысенький. Но на самом деле – весь из мышц. Он занимался всякими восточными техниками, не ел мяса, пел какие-то странные мантры. Мать, конечно же, пить бросила, с ним пророщенную пшеницу ела, утром подсакивала, чтоб Феденьке сок свежий из морковки и свеклы сделать. Соседи только ахали и восхищались, как же нам повезло. Фёдор Игнатъевич хорошо зарабатывал, за нами следил. Мы с сестрой чистенькие ходить стали, утром бегали, в проруби зимой купались. И матушка наша – трезвенница. Даже машина у нас была! И всегда мы вместе... Но никто не знал об аде, в котором мы жили.

Всё в доме держалось на страхе и контроле. Мы с сестрой должны были вставать в шесть утра, обливаться ледяной водой, делать сто отжиманий и приседаний, бежать несколько километров и купаться в ледяной воде, учить наизусть мантры. И за малейшее непослушание – наказание. Стоять в углу на коленях, отжиматься на кулаках, голодать и прочие воспитательно-садистские методики. Единственное, что Фёдор Игнатъевич не делал со мной и сестрой – не бил. Бил он мать. Регулярно. У него даже специальная плётка была. Из кожи. Он через день закрывался с матерью в спальне, и мы с сестрой, в ужасе прижавшись друг к другу, слышали свист плети и удар ею по плоти. Мать кричала в подушку. Потом она, мне кажется, привыкла...

Мы просили маму уйти от Фёдора Игнатъевича. Но она только вздыхала. Мама всё больше молчала, худела, и однажды, придя из школы, я увидела её ноги, которые болтались у меня перед лицом. Она повесилась. Вот так, взяла и повесилась. В один миг решила свою проблему.

Вера замолчала. По её лицу текли слезы. Я хотела подойти к подруге, обнять её, но так тяжело взглянула на меня, что я отпрянула.

– Я плохо помню похороны... Меня словно поместили в прозрачный короб, и мне казалось, что всё происходит не со мной, я словно наблюдаю чью-то чужую, ужасную жизнь... – Вера глубоко затянулась сигаретой, протянула руку, чтобы налить еще водки, но передумала, замолчала и долго смотрела в тёмное окно. – Через несколько дней Фёдор Игнатъевич вызывает меня в спальню и мерзким таким голосом, тихим и склизким, спрашивает, почему я ничего не делаю, что должна делать – не бегаю, не слежу за домом. Я с удивлением на него смотрю, а он как заорет: «Ты должна меня слушаться! Всегда! Во всём! Снимай штаны!» Эта тварь хватает плётку, которой он избивал маму, и замахивается на меня. Я в ужасе отскакиваю, падаю на кровать. Он рвёт на мне одежду и стегает плёткой по всему телу, я ору, но потом вспоминаю о

сестрёнке и ору в подушку, как мама. И вдруг он останавливается, падает на меня, и я чувствую у себя между ног... Потом он затих и даже нежно поцеловал меня...»

Вера подняла на меня тяжёлый пьяный взгляд. И тут я не выдержала и бросилась к подруге. Я обняла ее, прижала к груди и заревела.

– Хватит, Марин, не жалея меня. То, что нас не убивает, то делает нас сильнее.

– Сколько тебе было лет?

– Тринадцать.

– Тварь. Какая же тварь!

– Да, он был трусливой, закомплексованной тварью. И так продолжалось до моих шестнадцати лет. Регулярно. Плётка и насилие. Я даже научилась отключаться. Просто отключаться. Представляешь, как меня это закалило... Но всё чаще, когда он меня насиловал, я обдумывала план мести... в деталях...

Когда мне исполнилось шестнадцать, я уже была девушкой видной. Конечно, породой я не вышла. Гены – папаши-алкоголика и мамыши из деревни. Но это научило меня правильно использовать свои недостатки и подчеркивать достоинства. У меня был высокий рост, сиськи четвёртого размера, уверенная походка, умение правильно использовать косметику. Злость и месть сделали меня целостной и крепкой. Я хотела одного – растоптать эту тварь. И для этого мне нужен был план.

В нашем городе, как в любом российском городе, были свои авторитеты и бандиты, – усмехнулась Вера. – С одним из них я и сошлась. Лютый – его кличка, как у собаки, – был такой же отчаянный и злой, как я. Но со мной он превратился в котенка. Я легко научилась им управлять. Но мне надо было торопиться. Я всё реже бывала дома, и мой опекун уже боялся меня трогать, видя моих друзей. Но там оставалась моя сестрёнка...

Я рассказала про Фёдора Игнатьевича Лютому. Он был просто в бешенстве. Он порывался сразу же пойти и пристрелить его. Но я хотела другого. Я хотела, чтобы он мучился... долго, как мама, как я эти три года регулярного насилия...

Его нашли только через год. В лесу, со следами пытки... К этому времени Лютого застрелили другие братаны. И дело замяли.

– Ты? Ты видела, как его пытаются? – я в ужасе отпрянула от подруги.

– Да, – равнодушно сказала Вера. – И знаешь, что самое ужасное? Я ничего не почувствовала. НИЧЕГО... Не было удовлетворения, стыда, жалости... Ничего. Пусто. Этот гад всё во мне убил...

Мы сидели молча до самого утра... Под грузом рассказа Веры я не могла пошевелиться. Вера курила и смотрела в окно.

Потом встала, взяла сумку и ушла.

Я не видела её и ничего не слышала о ней несколько лет.

1941 год

Он смотрел на неё и чувствовал, что задыхается от счастья. Ему тяжело дышать, словно он вобрал в легкие всю радость мира, всю свою грядущую радость. И только острая, как удар ножа, мысль остановила этот поток вселенского счастья: «Такого больше никогда не будет. Такого больше никогда не будет! Такого больше НИКОГДА не будет!!!»

Николай зло отбросил соломку, которую крутил в руке, пока любовался, как его Ганя кормит грудью крепкого восьмимесячного Ванятку. Ганя с тревогой взглянула на мужа. Она моментально улавливала перепады его настроения. Николай подошёл к жене и сел перед ней на корточки.

– Какая же ты красивая! А глаза у тебя! Они как... – Николай оглянулся вокруг, словно ища помощь и подсказку. – Я не знаю... Сегодня утром у бабушки я вдруг разглядел её старую

икону. У Божьей Матери твои глаза... – он посмотрел на сына и погладил его по голове. – Я хочу, чтобы у него были твои глаза...

– Мои глаза – глаза еврейки, и ты знаешь, что для Ванечки это плохо... – грустно сказала Ганя, беря малыша за пальчик. Тот упорно тудился над маминой грудью.

– Ерунда! Как мне надоела эта чушь! – вскочил на ноги Николай.

– Это не чушь! Тебе об этом напомнили только что, когда в партию не взяли, – грустно возразила Ганя.

Николай резко развернулся и пошёл к хате. Он слышал, как Ванечка снова заплакал. Он плохо спал всю ночь, наверное, его пугали раскаты странного грома, доносившиеся с запада. Но дождь так и не пошёл.

Николай Буленко был настоящим комсомольским вожаком. Убеждённый, цельный и верный. Работая на угольной шахте города Шахтинска, он возглавлял комсомольскую организацию и уверенно шёл вперед – к вступлению в Коммунистическую партию.. Но на последнем партийном собрании его кандидатуру отклонили. Виной всему – жена-еврейка с родственниками – врагами революции.

Николай впал в ярость, и впервые у него не нашлось аргументов. Только отчаяние от этой абсурдной причины. Он любил Ганю столько, сколько помнил себя. Они жили на одной улице, их дома стояли по соседству, их родители дружили долгие годы. Все праздники, все будни они с Ганей были вместе. И любовь к ней – чистая, абсолютная – всегда жила в нём. Нет Гани – нет Николая. Так он знал и чувствовал. Он всегда видел рядом с собой нежный взгляд Ганиных глаз, полных мудрости и странной для молодой девушки печали. Николай даже не помнил, чтобы он как-то особенно готовился сделать предложение Гане. Просто пришло время, и они стали жить вместе, законно, как полагается советской семье. Они никогда не ругались и не спорили. Просто не было необходимости. Они были единым целым, но никогда не задумывались об этом. Просто жили. Мечтали о детях, своём доме. Николай знал, что когда-нибудь станет директором шахты. Может, это и нескромно для советского человека, но он чувствовал, что в нём кипит огромная сила и энергия, он хорошо обучается и принесёт пользу Советской Родине.

И тут случился удар. Его не приняли в Коммунистическую партию. Всё... Это крах надежд. Самое ужасное было, что он искренне не понимал: за что?! Из-за Гани? Его Гани? Той, что часть его самого, его жизнь, его прошлое, его будущее? Снова думая об этом, в душе Николая разразилась такая обида и ярость, что он стал поспешно собирать вещи, чтобы вернуться обратно домой, в Шахтинск. Ганя оставалась на всё лето с малышом у бабушки Николая в станице Пригорной.

Ганя с Ваней вернулись со двора в прохладную хату. Она с тревогой наблюдала за мужем, который нервно натягивал городскую одежду и метался в поисках кепки.

– Ты приедешь в выходной? – тихо спросила Ганя.

Николай остановился, посмотрел на жену и сына.

– Конечно, Ганечка. Куда же я денусь.

Они обнялись у порога, и Николай широко зашагал к поселковому совету, где его ждал попутный грузовик одноклассника Витьки.

Около здания поселкового совета Николай с удивлением увидел толпу станичников. Все стояли под прикрепленным высоко на столбе громкоговорителем и, замерев, слушали звучный голос диктора Левитана:

– Сегодня, 22 июня 1941 года...

– Николай! Буленко! – окликнул с крыльца Прохорец Михаил Михайлович, глава станичного совета. – Срочно дуй со мной в Шахтинск! Директор ждёт! Комсомольцев надо собирать!

Николай попытался объяснить, что хотел бы добежать до Гани, всё рассказать, успокоить, но Михаил Михайлович уже садился в грузовик и нетерпеливо махал Николаю. Тот растерянно оглянулся в толпу односельчан и заметил свою пятнадцатилетнюю сестру Люсю.

– Люська! Беги сюда! – прокричал он.

Люся подбежала к брату, обняла его и заплакала.

– Ничего, ничего, девочка, всё образуется. У нас сильная армия, и товарищ Сталин умнее Гитлера. Война долго не продлится. Люсенька, беги к Гане, скажи, что мне срочно надо в город, комсомольцы на мне. Я, как смогу, сразу к вам вырвусь. Вы в город не суйтесь, я всё узнаю и к вам... Хорошо, девочка? – он поцеловал сестрёнку и побежал к машине.

2003 год

Я вернулась домой тогда, когда уже свекровь привезла Славика из группы раннего развития малышей. Сославшись на сильную головную боль, я прошмыгнула в спальню. Под кожу вязкой змеей влез упрёк, что не подошла к мальчику, не погладила по голове и не спросила, как дела.

Я долго стояла под горячим душем и поймала себя на мысли, что безнадежно пытаюсь водой смыть с себя что-то чужое, что мне не принадлежит. Я легла в постель, с головой накрылась одеялом, свернулась клубочком и заплакала. Почему я плакала, сама не могла объяснить. Мне было жалко себя, я раскисала, погружаясь в зависть, ревность, которые рождал у меня счастливый вид Ники, чувство вины, что я не испытываю к малышу истинной материнской любви и не люблю мужа. Я перестала плакать, вспомнив отца. Стоп... Вот оно... Наконец я смогла сказать себе правду. Я больше не могу притворяться, и надо правдиво себе сказать, что я не живу своей жизнью. Что всё, что у меня есть – подруга, муж и ребёнок, достаток, – на самом деле не мой выбор.

Пораженная этой мыслью, я мучительно крутилась в ставшей неуютной постели, пытаюсь найти ответ на вопрос: «Как же так получилось, когда всё началось? Зачем я прокручиваю плёнку назад? Что я хочу вспомнить? Что понять?» – мучила я себя, мысленно возвращаясь в прошлое.

Верка вновь ворвалась в мою жизнь так же внезапно, как и пропала несколько лет назад. Я жила спокойно и размеренно. Боль от потери отца немного утихла. Работа в музее, вечерами – любимое хобби. Я продолжала упорно совершенствовать станок, искать правильные нитки, цвета и рисунок. Иногда – встречи с друзьями и театры, но всё же мне было интереснее проводить время со своими любимыми кружевами, чем встречаться со скучными людьми. Пару раз у меня случались недолгие романы. Кто больше скучал в отношениях, я – потому что в сравнении с отцом все мужчины мне казались безвольными закомплексованным посредственностями, или мужчины бросали меня из-за странных хобби и холодности?

Вера приехала как-то вечером, без звонка. Я, как обычно, корпела над своими кружевами.

– Привет, подруга! – звонко закричала Вера с порога. Мне показалось, что она стала ещё выше и немного крупнее. Вера легко подхватила маленькую меня. – Мышка, ты совсем усохла. Не сомневаюсь, всё сидишь над своими кружевами. Тебе уж замуж пора, а ты всё, как паучиха, в тёмной норке!

Вера без приглашения ворвалась в квартиру и по-хозяйски широким шагом на высоченных каблуках по комнатам. Я еле поспевала за ней, путаясь в стоптанных домашних тапочках. Подруга оценила, что за эти годы ничего существенно не изменилось, и, резко повернувшись лицом ко мне, скомандовала:

– Собирайся!

– Куда?

– Ко мне на новоселье!

– А! У тебя новая квартира? Поздравляю!

– Ага, новая, хорошо забытая старая.

Я удивлённо посмотрела на подругу, но та вновь скомандовала:

– Давай, живо! У меня гости одни остались!

– Вера, может, не надо, – я замялась. – Всё так неожиданно... Мне голову помыть надо, и я не знаю, что надеть... Поздно уже...

– Хватит мямлить! Быстро в душ! Надень, что нравится. Я даю тебе двадцать минут. Тебе больше не надо. Всё равно не красишься и волосы не укладываешь. Ты же у нас естественная, безыскусная красота, – засмеялась она, падая в кресло.

Я стала быстро собираться, не переставая удивляться, почему вечно попадаю в такое подчинение к Вере. Я прекрасно и тихо жила без её вулканической энергии два года. Но иногда при воспоминаниях о последнем и пьяном рассказе Верки и думая о том, что та принимала участие в пытках отчима, я испытывала тошноту. Я на самом деле никогда больше не хотела видеть Веру и боялась этой встречи, но сейчас, словно попав в вихрь, который мне не подвластен, я вновь почувствовала себя «безвольной овцой».

Верка запихнула меня на сиденье огромной машины. Вела она уверенно, даже агрессивно, превышая скорость и нарушая правила. Я вжалась в сиденье, и это так и осталось впоследствии обычной моей позой в Вериной машине.

– Запомни! – вдруг резко начала Вера. – Зови меня только Никой. Запомнила? Ника!

– Почему? – еле слышно пролепетала я, борясь с тошнотой.

– Меня зовут Ника Нарышкина! Здорово, правда?!

– Да, но мне кажется... если я не ошибаюсь... фамилия твоего мужа была Нарушкин?

– Ага, была! Да сплыла! – засмеялась Вера-Ника. – Слушай, Марин, ты что, думаешь, я такую возможность упущу, чтобы из Нарушкиной не стать Нарышкиной? Конечно же, нет! Взятка паспортистке – и она ошибается в одной букве.

– А имя? Почему Ника?

– Я на самом деле Вероника. Верой меня мать звала... Но это не моё имя, правда же? У меня нет веры. Я верю только в себя, свои силу и ум, своё тело, наконец. Вот Ника, богиня победы, – это уже моё.

Мы подъехали к большому красивому дому, построенному в начале девятнадцатого века в моём любимом районе внутри Садового кольца.

– Вот, смотри, на шестом этаже, там эркер с мозаикой – это моё.

– Круто-о! – восхищенно протянула я. – Но ты же говорила, что у мужа комната в коммуналке.

– Ага, говорила. Теперь вся коммуналка переделана под мои пятикомнатные апартаменты.

– Пять комнат! На двоих! А дети есть? – затараторила я.

Вера, вернее, Ника засмеялась, приобнимая меня за плечи:

– Нет, Мышка, это всё для меня одной. Я же теперь вдова, – она комедийно всхлипнула и смахнула несуществующую слезинку.

– Как вдова? – ахнула я.

– Слушай, Мариш, не будь дурой. Ты же поняла, что я за алкаша Нарушкина только из-за прописки и его комнаты в этом доме замуж вышла. Он через год сдох, отравился палёной водкой. Я к этому времени у одной соседки комнату выкупила, у другой – сына полоумного в интернат хороший устроила и опеку взяла, она мне отписала комнату. С третьим соседом тоже проблем не было – в Люберцах теперь живёт в отдельной квартире. Был один, правда... Сам хотел всё выкупить, всё денег копил, ждал у моря погоды, а я ему все карты смешала. Тот

гад никак не хотел из вредности мне комнату продавать, но тут мне повезло, и он случайно утонул...

Я вздрогнула от этих слов, но мы уже стояли у дубовых дверей Никиной квартиры.

Ника позвонила в звонок своей же квартиры, и дверь нам открыла горничная, одетая, как в кино: чёрное платье, белый фартук. Для меня это показалось уж слишком вычурно, но, рассмотрев обстановку квартиры, я поняла, что образ «французской горничной» здесь пришёлся как нельзя лучше. Нике всегда удавалось быть на грани эпатажа и безупречного вкуса... Так и от её новой квартиры складывалось впечатление, что это квартира как минимум народной артистки Большого театра. Мебель старинная, диван из карельской берёзы, дубовые резные комоды. На выкрашенных в серый цвет стенах развешаны картины в тяжелых дорогих рамах, гравюры и рисунки. Подойдя поближе, я ахнула: все рисунки и картины принадлежали кистям известных и именитых художников как минимум прошлого века.

Я удивленно оглянулась на подругу:

– Вера! А это откуда?

– Назовёшь меня Веркой ещё раз – укушу! – зашипела Ника.

– Ой, прости. Ну правда!

– Это, Мышка, тяжелый труд, особенно когда денег на самом деле на всё нет. Что-то друзья дарили, что-то находила. Вот этот Шишкин за ящик водки мне достался, – засмеялась Ника, – этот Верещагин – на спор со студентами. Я тут в одной дыре была, там заповедник и музей. Увидела эту картину – и не могу, хочу её. Директриса – нищая, старая и, к моей удаче, подслеповатая интеллигентка – ни в какую денег брать не хочет. Тогда я ей ребят из Суриковского пристроила, крышу латать, ну, как спонсорскую помощь, заодно с ними поспорила, могут ли они точную копию сделать этой картины. Короче, к концу лета все рады – у тетки крыша и картина, у меня – картина, у пацанов – ящик водки и денюжат немного.

Когда Вера ввела меня в столовую, огромную и светлую, я изумилась ещё больше. Большой стол на двенадцать персон был сервирован старинным фарфором и серебром. Из соседней со столовой комнаты раздавались голоса. Вера, широко и уверенно шагая к двери, распахнула её и царицей вплыла в кабинет. На кожаных диване и креслах, около дубовых шкафов находилось человек десять. Я, как всегда, незаметно стоявшая за широкой спиной Верки-Ники, имела время рассмотреть разношерстную публику. Здесь был и статный пожилой мужчина с внешностью льва и интонацией народного артиста. И милая старушка – божий одуванчик, в поношенном сером платье с кружевным воротничком. Вся такая чистенькая, светлая и восторженная. И на её руке я успела заметить огромный бриллиант в старинной платиновой оправе. Была пара молодых людей непонятно какого пола – длинные волосы, мешковатые одежды, и семейная пара среднего возраста, где муж напоминал серьезного чиновника, сосредоточенного и строгого, а жена его, с неизменной приклеенной улыбкой и тайным чувством превосходства. Мол, мы близки к особым людям, много чего знаем, и поэтому так улыбаемся и так молчим. Я смутилась немного, когда Ника-Верка представила меня своим гостям, но вскоре интерес ко мне исчез, и все обступили хозяйку с вопросами о новом приобретении – картине русского художника. Я нашла укромное местечко в кресле у книжных шкафов, взяла в руки первую попавшуюся книгу и уткнулась в неё. Я пробежала глазами по строчкам, даже не пытаюсь понять их смысл, а в голове, как маятник, раскачивалась одна навязчивая мысль: что я здесь делаю, зачем мне это всё, я не хочу видеть в своей жизни Верку. И так снова и снова, слова раскачивали мои нервы, и я уже готовилась встать и незаметно уйти, и больше никогда не попадаться Верке на крючок... как тут я услышала:

– Вы читаете на французском Пруста? Потрясающе!

Я вздрогнула и подняла голову на голос. Около меня стоял красивый молодой человек. С испугом взглянула на обложку книги и только сейчас заметила, что это старинное коллекционное издание Пруста на французском. Я поспешно отложила книгу, словно боясь обжечься, но

промахнулась, и та упала на пол. Я хотела было вскочить с кресла, чтобы поднять её, но молодой человек опередил меня, присев напротив на корточки, поднял книгу и, не отрывая взгляда от меня, протянул книгу. Тогда мне показалось, что я утонула в этих глазах. Парень продолжал изучать меня, внимательно, словно заглядывая в душу. Было что-то особенное, магическое и противоречивое в его чуть насмешливой улыбке, в его умном и уверенном взгляде и его бархатном и глубоком голосе. Я, сколько потом ни пыталась вспомнить детали того званого обеда, так и не могла понять, что же произошло, как так получилось, что я с первой секунды была околдована Евгением.

Правда сейчас, когда я спряталась под одеялом, словно сквозь пелену, выплыла одна сцена того вечера. Евгений за обедом сидел рядом со мной и всячески ухаживал и развлекал. Он оказался отличным рассказчиком, остроумным, легким. За столом царилая милая дружеская обстановка, и, как я отметила, главным образом потому, что Евгений задавал тон беседе и шуткам. И при этом я чувствовала, что мой сосед ни на секунду не забывает ухаживать и оказывать знаки внимания и мне. Я поначалу была смущена таким вниманием, но потом втянулась в общую атмосферу расслабленного, интересного и остроумного разговора и даже позволила себе рассказать пару шуток про художников, чем заслужила от Евгения восхищенный взгляд. Когда вечер подходил к концу и некоторые из гостей начали собираться, я вдруг осознала, что не хочу, чтобы этот день заканчивался. Я сидела рядом с Евгением на удобном диване, наблюдала за его подвижным и красивым лицом, ломая голову, как бы попросить прогуляться со мной до дома. Верка-Ника встала, чтобы проводить чиновничью семью, и Евгений поднялся за ней. Вставая с дивана, он чуть дотронулся рукой до моего колена и тихо сказал: «Подожди, я сейчас провожу их и вернусь, и мы с тобой улизнём?» – заговорщически подмигнул он. Я почувствовала, как покраснела, и низко опустила глаза. Сердце моё бешено билось, и тут я поняла, что влюбилась с первого взгляда и готова сразу идти за Евгением хоть на край земли.

Но Евгений с Верой не возвращались, и в какой-то момент я почувствовала, что не могу сидеть без движения. Новая, не управляемая разумом энергия наполняет меня. Мне срочно надо было двигаться, бежать, танцевать... Что угодно, только не сидеть в одиночестве на диване, делая вид, что внимательно слушаю разговор малознакомых людей. Я легко вскочила с дивана и чуть ли не вприпрыжку, как маленькая девочка, побежала вглубь длинного коридора Вериной квартиры. В прихожей никого не было, и я так же весело продолжала искать Евгения и Верку. Я распахнула дверь крайней комнаты и увидела их. Евгений сидел на кровати, обхватив голову руками, а Вера, присев напротив него на корточки, гладила его по голове и что-то горячо и настойчиво ему шептала.

– Вот вы где! – радостно закричала я, одновременно осознавая всю нелепость и неуместность своего радостного вторжения. Евгений поднял на меня глаза, а Вера быстро вскочила на ноги и почему-то торопливо начала объяснять мне, что у Евгения серьёзно болен отец, и она, Ника, убеждает Евгения пройти обследование в Германии, не теряя времени.

Я растерянно закрыла дверь, говоря при этом: «Да, да, конечно, я понимаю», чувствуя себя глупо и униженно. МОЙ Евгений, да, МОЙ! И он не может быть ЕЁ... Но это просто иллюзия, всё неправда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.